

И 394
1027

О ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СЛУЖБѢ.

О
ДОНСКОЙ
КАЗАЧЬЕЙ
СЛУЖБѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.
1852.

Съ дозволенія Военно-Ценсурнаго Комитета.
С.-Петербургъ, 26-го Января 1852 года.

О ДОНСКОЙ

КАЗАЧЬЕЙ СЛУЖБѢ.

—

О легкой кавалеріи вообще. — Во всякой благоустроенной арміи, между разными родами войскъ, должна быть легкая кавалерія, какъ необходимая часть стройнаго цѣлаго. Раздѣленная по корпусамъ и отрядамъ, или сама по себѣ составляя отряды, конница эта должна служить: для огражденія спокойствія и безопасности арміи, для связи разныхъ ея отдѣленій, для открытія путей и мѣстности театра военныхъ дѣйствій, для охраненія сообщеній и продовольствія; въ тоже время легкая кавалерія обязана тревожить непріятеля, уничтожать легкіе его отряды, отнимать у него продовольствіе, громить его обозы, пересѣкать, а иногда уничтожать пути сообщенія; при от-

ступательныхъ движеніяхъ задерживать преслѣдующаго непріятеля, навлекать ему возможныя затрудненія, заслонять движенія своей арміи и доставлять ей спокойное отступленіе; въ случаѣ же разбитія непріятеля—довершать побѣду, преслѣдуя бѣгущихъ до послѣдней возможности.

Казаки, какъ часть Русской легкой конницы. — Уже болѣе полутора столѣтія въ Русскихъ арміяхъ обязанность легкихъ конныхъ войскъ исправляютъ, по большей части, Донскіе казаки. Въ какой степени оправдываютъ они свое назначеніе—давно оцѣнено Государями нашими и голосомъ всего отечества. Здѣсь будетъ изслѣдовано, чѣмъ именно казачьи войска различаются отъ прочей, болѣе на нихъ похожей, конницы, т. е. легкой регулярной кавалеріи и Азіятскихъ наѣздниковъ, и потомъ опредѣлены и разсмотрѣны свойства, собственно казачьимъ войскамъ принадлежащія.

Различіе казачьихъ войскъ отъ легкой регулярной кавалеріи и отъ Азіятскихъ наѣздниковъ. — Регулярная кавалерія, какъ тяжелая, такъ и легкая, состоитъ изъ всадниковъ, слитыхъ въ массы силъ. Главную

обязанность всадника составляетъ безпрекословное исполненіе приказаній старшихъ. Это—искусно-организованная машина, которой все дѣйствіе сосредоточено въ главной ея пружинѣ—въ начальникѣ: безъ воли его она не двигается съ мѣста и не останавливается. Чѣмъ болѣе соединены части этого стройнаго цѣлаго, чѣмъ болѣе вниманіе каждаго приковано къ повелѣніямъ высшей власти, тѣмъ совершеннѣе регулярная кавалерія. Назначеніе этой кавалеріи сообразно съ ея устройствомъ. Военачальникъ, по усмотрѣнію своему, беретъ эту машину, громитъ ею войска непріятельскія, и, достигнувъ цѣли, старается, на покойномъ и удобномъ по возможности мѣстѣ, освѣжить ея силы, возстановить порядокъ и готовить ея къ новымъ дѣйствіямъ.

Хотя и казачьи полки, особенно въ настоящее время, имѣютъ внутреннюю организацію регулярныхъ полковъ, и могутъ, въ случаѣ надобности, дѣйствовать совокупно; но крѣпкій узелъ, которымъ связана регулярная кавалерія, у казаковъ долженъ быть во всегдашней готовности – раздѣляться на волокна, даже разсучиваться на тончай-

шія нити. Какъ регулярная кавалерія бываетъ лучше по мѣрѣ совокупленія въ стройное цѣлое, такъ иррегулярная дѣлается совершеннѣе по достоинству составныхъ своихъ частей, не только полковъ и сотень, но и мелкихъ командъ, и даже каждаго казака по-одиночкѣ, потому, что каждая часть, какъ бы мала ни была, должна имѣть жизнь цѣлаго, вездѣ долженъ присутствовать умъ, должно быть развито соображеніе.

Иначе и быть не можетъ въ иррегулярной кавалеріи, которая назначена для дѣйствія раздѣльнаго, разсыпнаго. Казаки, во время сраженія, разсѣянные по интерваламъ и флангамъ другихъ войскъ, когда главному начальству не время ими заниматься и когда даже ближайшимъ ихъ командирамъ слѣдить за ними не всегда возможно, часто, во время самаго дѣла, должны имѣть свои собственныя соображенія. Но когда сраженіе оканчивается и вся армія, по мѣрѣ возможности, успокоивается, тогда для казаковъ настаетъ новая пора дѣятельности. Если не нужно преслѣдовать непріятеля или прикрывать собственное отступленіе, то они опоясываютъ цѣпью пикетовъ остановив-

шуюся на ночлегѣ армію, или разсѣеваются большими и малыми партіями въ разныя стороны, для развѣдыванія о непріятелѣ и для другихъ порученій, часто въ мѣста неизвѣстныя; во всѣхъ случаяхъ, особенно въ послѣднемъ, начальники самыхъ мельчайшихъ частей должны находить сами средства для исполненія воли высшаго начальства; въ противномъ случаѣ въ арміи произошли бы упущенія. Не станемъ распространяться о службѣ казаковъ на Кавказѣ, и въ особенности о трудномъ обереженіи кордонныхъ линій отъ хищниковъ, о многоотвѣтственномъ охраненіи границъ отъ чумы и контрабанды, о конвоированіи транспортовъ и проѣзжающихъ, о розысканіи и преслѣдованіи разбоевъ и грабительства, и о многихъ другихъ обязанностяхъ казаковъ. Для этого невозможно начертать постоянныхъ инструкцій или правилъ, потому, что дѣйствія казаковъ вездѣ должны быть сображены съ мѣстностью, со свойствомъ самаго непріятеля и съ разными обстоятельствами, и тогда только бываютъ удачны, когда казаки знаютъ свое дѣло.

Не оспориваемъ способности легкой регу-

лярной кавалеріи къ раздѣльнымъ дѣйствіямъ; напротивъ: гусары, уланы и драгуны, особенно въ настоящее время, такъ развиты и обучены, что въ разсыпномъ строю и перестрѣлкѣ могутъ служить образцомъ и для самыхъ казаковъ. Но дѣйствія эти другаго рода, потому, что они совершаются только по командѣ. Не станемъ утверждать также, чтобы войска эти не могли, въ случаѣ надобности, исполнять аванпостной службы и оберегать арміи исправно и бдительно; но не въ этомъ состоитъ прямое назначеніе регулярной кавалеріи, тѣмъ болѣе, что аванпостная служба можетъ изнурить непривычныхъ къ тому лошадей и безполезно уничтожить это прекрасное, стройное войско.

Азіятскіе наѣздники: Черкесы, Чеченцы и другіе горскіе народы, а также Персидская и Турецкая конница, дѣйствуютъ всегда въ разсыпную, ѣздятъ на проворныхъ и рѣзвыхъ лошадяхъ, стрѣляютъ отлично и во многомъ похожи на казаковъ. Но, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣлъ сихъ, можно увидѣть, что они джигитуютъ только издали, нападаютъ тогда болѣе, когда ихъ приманиваетъ легкая пожива, и твердо защищаются толь-

ко тамъ, гдѣ природа представляетъ особенную мѣстность, гдѣ скалы, ущелья и лѣса укрѣпляютъ ее для войны оборонительной, а потому прославленная храбрость Азіятцевъ любитъ стрѣлять только изъ-за куста и камня, и вовсе не охотница засматривать смерти прямо въ глаза. Конечно, по быстротѣ своихъ коней, они способны къ набѣгамъ и часто ихъ производятъ, но только для хищничества и грабежа, а не въ духѣ благороднаго партизанства. Въ Европейскихъ же войнахъ, среди дѣйствующихъ армій, они не въ состояніи понять и сообразить движеній ни нашихъ, ни непріятельскихъ, и потому не могутъ быть употреблены съ пользою для открытій и развѣдыванiй.

Прекрасенъ видъ регулярной кавалеріи, когда она свертываетъ и развертываетъ колонны и производитъ живописныя свои движенія. Можетъ быть теперь, когда казачьимъ полкамъ данъ уставъ для эволюцій легкихъ и удобоисполнимыхъ, могутъ они, хотя не въ совершенствѣ, отличаться и на этомъ поприщѣ. Но, какъ ни полезно это нововведеніе, какъ ни отрадна надежда въ будущемъ видѣть такое благоустройство ка-

зачьихъ полковъ, однако не должно забывать, что не въ томъ одномъ состоитъ все достоинство иррегулярныхъ полковъ, и что казачья служба имѣетъ собственныя, ей самой принадлежащія потребности.

Пріятно также видѣть казака-наѣздника, когда онъ, щегольски одѣтый, вьется на нарядномъ Азіятскомъ конѣ, и ловко выхватывая изъ-за плеча Черкесское ружье, на всемъ скаку попадетъ въ цѣль; какъ, пустившись во всю прыть, хватаетъ съ лошади на землѣ червонецъ или выдѣлываетъ другія выходки ловкости и проворства.

Но не должно представлять себѣ, что въ одномъ наѣздничествѣ состоитъ вся удаль казака. Лучшіе стрѣлки и джигиты бываютъ иногда самые плохіе казаки, тамъ, гдѣ должно проѣхать грудью, высмотрѣть зоркимъ глазомъ и разсказать толкомъ; какъ, напротивъ того, самый неловкій наѣздникъ дѣлаетъ иногда услугу цѣлой арміи. Занимая вездѣ хорошее и приспособляя его къ своей пользѣ, казаки должны сознавать, оцѣнивать и всѣми силами развивать качества, собственно имъ принадлежащія и необходимыя для ихъ службы.

О главнѣйшихъ качествахъ казаковъ.— Такимъ образомъ казачья служба, различаясь отъ службы регулярной легкой кавалеріи и Азіятскихъ наѣздниковъ, двухъ къ ней ближайшихъ родовъ войскъ, составляетъ, сама по себѣ, науку, къ-сожалѣнію, до-сихъ-поръ письменно не объясненную, не истолкованную и держащуюся на однихъ словесныхъ преданіяхъ.

Не трудно бы собрать правила, которыми должно руководствоваться во время разведенія вокругъ арміи дневныхъ и ночныхъ аванпостовъ, хотя и въ этомъ случаѣ различная мѣстность должна требовать разныхъ соображеній. Но ка́къ исчислить всѣ случаи, которые могутъ встрѣтиться офицеру, или казаку, во время партій, и ка́къ подвести подъ правила — соображенія, которыхъ всегда требуютъ отъ нихъ обстоятельства: и страна, и мѣстность, и климатъ, и погода, и враги, и друзья, и жители, и проч., и проч.? Соображеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, употребленіе ихъ въ пользу свою и во вредъ непріятелю, можетъ доставить только военная смѣтливость, развитіе умственныхъ способностей въ во-

снномъ отношеніи, качество, которымъ казаки обладаютъ въ высшей степени и чѣмъ они рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ войскъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Всѣ, имѣвшіе случай служить когда-либо съ казаками, безпрекословно отдаютъ имъ справедливость въ этихъ способностяхъ; неоднократно удивлялись ихъ природному смыслу и толку, ихъ расторопности и находчивости, которыми не разъ извлекали они себя и другихъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній; но не всѣ одинаково согласны, въ чемъ именно заключается эта смѣтливость, и откуда она проистекаетъ. Чаще всего приписывали это врожденному инстинкту и чутью, свойствамъ многихъ полудикихъ жителей, въ-особенности воинственныхъ. Но хотя и неоспоримо, что у казаковъ, какъ обитателей степей, нерѣдко встрѣчается зоркость глаза и чуткость уха, однако въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ ихъ многія кочевыя племена, которыя, при всемъ томъ, на войнѣ, служа при нашихъ арміяхъ, изъ этихъ физическихъ качествъ не могли извлекать особенно-замѣчательныхъ выгодъ. Напротивъ, если внимательно всмотрѣться

въ казачьи дѣйствія, то нельзя не замѣтить, что они, какъ бы раздѣльны ни были, всегда сообразны съ ходомъ и потребностію военныхъ дѣйствій, — что казакамъ не чужды идеи, хотя не самыя обширныя и отчетливыя, о позиціяхъ и расположеніи армій,—что они постоянно слѣдятъ за движеніемъ войскъ нашихъ и непріятельскихъ,—и потому нельзя не согласиться, что смѣтливость ихъ происходитъ отъ того, что казаки, нѣкоторымъ образомъ, понимаютъ войну. Прежде, нежели будетъ изложено начальное происхожденіе и дальнѣйшее развитіе этой способности казаковъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о другомъ, также важномъ для нихъ, качествѣ.

Если, какъ сказано выше, казачья служба назначена, бо́льшею частію, къ дѣйствіямъ раздѣльнымъ, разсыпнымъ, то слѣдуетъ изъ того, что должна быть какая-нибудь сила, которая руководила бы каждаго казака, гдѣ бы онъ ни былъ, къ исполненію своихъ обязанностей, и поощряла бы его къ дѣламъ труднымъ, иногда и безъ особенныхъ приказаній начальства,—вливала бы въ него мужество, необходимое для преодолѣнія пре-

пятствій и презрѣнія опасностей, и то пламенное одушевленіе, безъ котораго невозможно произвести славныхъ подвиговъ. Это рвеніе, этотъ военный энтузіасмъ, не только долженъ наполнять собою казачьи войска, преимущественно предъ другими, но необходимо, чтобы онъ въ каждомъ казакѣ былъ развитъ отдѣльно и самостоятельно.

Нельзя оспоривать, что казаки, въ арміяхъ нашихъ, всегда извѣстны были особеннымъ своимъ рвеніемъ. Не говоря о походахъ давнихъ, сто́итъ указать на незабвенную отечественную войну. При трудномъ и долговременномъ отступленіи, нужно было ревностное усердіе, не только всѣхъ, но и каждаго, чтобы, неся непріятеля на плечахъ, отстаивать у него шагъ за шагомъ и наносить ему возможный вредъ. По занятіи Французами Москвы, также необходимо было стремленіе, не только общее, но и частное, чтобы, разсѣянными партіями въ окрестностяхъ столицы, пресѣчь Французамъ всѣ пути къ продовольствію и заслужить столь лестный отзывъ великаго Кутузова: *казаки дѣлаютъ чудеса!* При востребованіи Атаманомъ Платовымъ по-

головнаго ополченія, также безъ частнаго стремленія нельзя было сдѣлать, чтобы съ такою скоростію встала вся Донская Земля, чтобы всѣ безъ изъятія: и согбенные старцы, и едва выходившіе изъ дѣтскаго возраста юноши, по призыву, для спасенія отечества, мигомъ бросились на коней своихъ, и совершивъ дивный по быстротѣ походъ, неожиданно явились къ Тарутину, на ужасъ непріятельскихъ полчищъ. Наконецъ, при отступленіи непріятеля, нужно было не только стремленіе, но, нѣкоторымъ образомъ, самоотверженіе, чтобы, забывъ стужу и голодъ, на этомъ пути смерти, окружить со всѣхъ сторонъ, какъ облаками, бѣгущихъ, и нерѣдко раздѣляя съ ними нужды и лишенія, истребить армію Наполеона. Не нужно распространяться описаніемъ казачьихъ дѣлъ въ 1813, 1814, 1815 годахъ въ Европѣ; они слишкомъ извѣстны, потому-что совершались подъ командою не однихъ казачьихъ начальниковъ, но и подъ предводительствомъ знаменитѣйшихъ партизановъ Русской арміи, которые многократно свидѣтельствовали, а тѣ, славные дни которыхъ хранитъ еще Провидѣніе, безъ сомнѣ-

нія и теперь засвидѣтельствуютъ, что казаки въ то время явили примѣры рвенія, достойные всякой похвалы.

Для дѣйствій раздѣльныхъ не довольно одного усердія къ соблюденію своего долга и къ исполненію приказаній начальства; нужно то пламенное одушевленіе, которое вызывало бы воина охотою на дѣла опасныя, повидимому невозможныя. Не говоря о всегдашней жизни предъ глазами враговъ— естественной принадлежности аванпостной службы, нужно очень часто переправиться вплавь чрезъ бурную и широкую рѣку, чтобы осмотрѣть со всѣхъ сторонъ позицію непріятеля; нужно воспользоваться и темною ночью, и вьюжною мятелью, чтобы исполнить какое - либо необходимое дѣло въ срединѣ его арміи, или, засѣвъ въ скрытномъ мѣстѣ и выждавъ благопріятное время, схватить *языкъ* и примчать его съ собою; или открыть сообщеніе по окрестностямъ, вездѣ занятымъ врагами; словомъ—нужны такія дѣла, для исполненія которыхъ начальство, безъ добровольнаго вызова охотника, нерѣдко затруднилось бы дать кому-либо приказаніе. Для этого необходимо, чтобы

въ войскахъ, соревнованіе—отличиться одному предъ другимъ, развило пылкія силы души, возвысило чувствованія стремленіемъ къ чести и славѣ, и породило всеобщій энтузіасмъ.

Это благородное одушевленіе въ казачьихъ войскахъ существовало издавна; первоначальнымъ же происхожденіемъ своимъ обязано было, также какъ и смѣтливость, событіямъ историческимъ.

Первоначальное происхожденіе казачьихъ способностей и свойствъ.—Въ то время, когда юная Русская Монархія, по благости Провидѣнія, стряхнувъ съ себя цѣпи слишкомъ двухъ-вѣковаго ига Монголовъ, боролась съ внутренними врагами и стремилась къ водворенію у себя благотворнаго самодержавія, неожиданно, на обширныхъ степяхъ, раздѣлявшихъ её отъ Чернаго Моря и отъ владѣній Султана, опустѣлыхъ по удаленіи оттуда Татаръ, явилось воинственное общество казаковъ. Откуда оно взялось, какъ составилось, нѣтъ историческихъ свѣдѣній; но, въ самые первые годы его открытія, замѣчены уже въ немъ свои собственные: правила и обычаи, обнаруживаю-

щіе давнишнее его существованіе и устройство, можетъ быть, въ иномъ мѣстѣ. Не наше дѣло разбирать разные объ этомъ толки и предположенія; но то неоспоримо, что языкъ, Православная вѣра, а болѣе всего безпредѣльная приверженность къ Царямъ нашимъ, обнаруживаютъ въ немъ чисто-Русское происхожденіе.

Съ самаго начала рѣзко обозначился особенный характеръ общества. Это было непреоборимое стремленіе къ преслѣдованію и пораженію невѣрныхъ, непримиримая на жизнь и смерть вражда, которую казаки имъ объявили. Со всѣхъ концовъ Россіи стекалась туда удалая молодежь—принимать участіе въ безпрерывныхъ битвахъ и опасностяхъ. Казалось, что святая месть, которая накипѣла на сердцѣ Русскаго народа, за долговременное притѣсненіе и оскорбленіе отечества, вылилась изъ него этими вольными дружинами, которыя ринулись вслѣдъ за Татарами, не имѣя другой цѣли жизни, не зная другихъ благъ міра, кромѣ истребленія наглыхъ пришлецовъ этихъ!

Вмѣстѣ съ Татарами объявлена одинаковая, непримиримая брань тогдашнимъ по-

кровителямъ ихъ и единовѣрцамъ, Туркамъ; почему, значительная Турецкая крѣпость Азовъ сдѣлалась пунктомъ, около котораго сосредоточились главныя силы казаковъ. Какъ война была единственною стихіею жизни ихъ, то мѣстопребываніе Войсковаго начальства учредилось тамъ, гдѣ ближе была опасность, слышнѣе раздавались военные клики. Отсюда летучіе отряды казаковъ разсѣевались по югу и юговостоку Россіи, отъ Днѣпра до Урала; отсюда зажигалась та полуторавѣковая война съ невѣрными, которая безпрерывно пламенѣла въ этихъ пустыняхъ. Какъ только доходили слухи о скопившихся гдѣ-либо полчищахъ Татаръ, тотчасъ спѣшили туда казачьи дружины, дышавшія отвагою и закаленныя въ битвахъ, съ винтовками и дротиками, и окружали враговъ потокомъ лавъ своихъ; иногда отражаемыя, но никогда не побѣжденныя, онѣ, послѣ всякой потери, являлись съ новыми силами и нападали съ новымъ ожесточеніемъ. Мало-по-малу пустыня эта совершенно отъ Татаръ очищена, успокоена и сдѣлалась достояніемъ Россіи; отечеству нарѣзаны новыя грани: у Чернаго,

Азовскаго и Каспійскаго морей, у подошвы Кавказа и Урала. Но нѣкоторымъ показалось тѣсно и въ этомъ пространствѣ; неугомонное стремленіе духа перенесло ихъ за хребетъ Уральскій, и чудесными подвигами, неизмѣримая и богатая Сибирь повержена къ стопамъ Царей нашихъ и навсегда прикована къ отечеству.

Рядъ удалыхъ дѣлъ казаковъ, въ этотъ первый періодъ исторической ихъ жизни, заключился взятіемъ Азова и дивнымъ въ немъ *сидѣніемъ* (*). Мудрено-ли, что послѣ такихъ дѣлъ окрѣпъ отважный духъ ихъ и развернулись воинскія ихъ способности, безъ которыхъ они давно были бы жертвою бранной бури? Вотъ первоначальное происхожденіе стремительнаго рвенія казаковъ и ихъ смѣтливости, этого развитія чисто-Русскаго духа и смысла!

Въ исходѣ XVII столѣтія, послѣ покоренія Петромъ I Азова, Великій Преобразователь Россіи бросилъ геніяльный взоръ на

(*) До насъ дошла современная рукопись объ осадѣ, выдержанной казаками въ Азовѣ, по взятіи ими этого города у Турокъ. Рукопись эта имѣетъ заглавіемъ: «Объ Азовскомъ сидѣніи.»

казаковъ, и творческою своею волею перемѣнилъ удалыя ихъ похожденія на службу въ рядахъ Русской арміи. Съ этой поры, хотя многое измѣнилось, хотя Донъ, прежде только по названію *тихій* (*), теперь въ самомъ дѣлѣ затихъ, и военные звуки, гремѣвшіе вокругъ него столько вѣковъ, замѣнились стукомъ земледѣльческихъ орудій; но духъ казачій находилъ достаточную пищу для поддержанія и развитія своего. Сдѣлавшись бдительнымъ стражемъ нашихъ и бичемъ непріятельскихъ армій, находясь всегда впереди лицемъ къ лицу противъ непріятеля, казаки, по образу своего служенія, всегда имѣли случаи отличаться новыми подвигами, а потомъ, честимые и уважаемые военачальниками, осыпанные наградами Монаршими, они возвращались на Донъ съ богатою добычею—разсказывать и пѣть пѣсни про старые и новые свои подвиги. Даже и тогда, какъ вольныя ихъ дружины стали подчиняться правиламъ, когда

(*) Съ незапамятныхъ временъ казаки называли Донъ *тихимъ*. Происхожденіе этого эпитета неизвѣстно, потому, что рѣка эта имѣетъ теченіе довольно быстрое.

введены составы полковъ и учреждено чиноначаліе, ни сколько не умалились существенныя ихъ способности. Напротивъ того, казаки, по безпредѣльной преданности къ Вѣнценосцамъ, съ любовію принимая всякія нововведенія, стремились оправдывать ихъ всѣми силами, и развили наконецъ доблести свои до той степени, на которой видѣли ихъ въ атаманство Платова, въ незабвенную отечественную войну, а также и въ минувшую войну Венгерскую.

Вліяніе образа жизни и мѣстныхъ обстоятельствъ на развитіе духа казаковъ. Вмѣстѣ съ жизнію военною, немало содѣйствовалъ къ развитію духа и способностей казаковъ самый образъ домашняго ихъ быта. По удаленіи Татарскихъ ордъ, казаки разсѣялись по пространству земли теперешняго Войска Донскаго, и поселеніями своими заняли мѣста по берегамъ Дона и большихъ, впадающихъ въ него рѣкъ: Донца, Медвѣдицы, Хопра, также по Бузулуку (рѣкѣ, текущей въ Хоперъ). Но какъ Земля Донская совершенно успокоилась не тотчасъ, и бурныя толпы хищниковъ, время отъ времени, дѣлали на нее опустошительные набѣги, то въ

первыя времена казачьи поселенія обнесены были земляными валами, или, по-крайней-мѣрѣ, огорожены плетнями и терновникомъ, отъ чего и получили названіе *городковъ*. Жившее въ каждомъ городкѣ общество казаковъ управлялось само собою, избирая изъ среды себя атамана и старшинъ. Оно заботилось о собственной своей защитѣ и безопасности, и всѣми внутренними дѣлами своими распоряжалось съ полною свободою; но предписанія и наказы Войсковаго начальства, касательно высылки казаковъ на службу, всегда исполняло свято и безпрекословно. По водвореніи на Дону тишины и безопасности, когда укрѣпленія со временемъ исчезли и городки получили названіе *станицъ*, внутреннее управленіе казачьихъ общинъ осталось тоже самое. Каждая станица издревле управлялась «сборомъ.» Въ сборѣ станичномъ имѣлъ право участвовать каждый казакъ, не запятнавшій себя дурною жизнію дома, или предосудительными поступками на службѣ; но судить и рядить о дѣлахъ общественныхъ предоставлялось только людямъ пожилымъ; почему на Дону слово *старикъ*, издревле, составляло родъ

почетнаго званія. Однако, въ общество стариковъ не рѣдко допускались и молодые люди, но только тѣ, которые отличною службою, хорошимъ умомъ и примѣрною жизнію привлекали къ себѣ общее уваженіе. Здѣсь, въ общемъ совѣтѣ, обсуживались всѣ дѣла, но преимущественно военныя, потому, что война была первою цѣлію казака, и хотя со временемъ не нужно было болѣе заботиться о мѣрахъ общей безопасности и обороны противъ набѣговъ хищниковъ, но безпрерывное отправленіе казаковъ въ походы и возвращеніе ихъ со службы, доставляли всегда достаточную пищу сужденіямъ о дѣлахъ военныхъ.

Станичные сборы всегда привлекали къ себѣ жителей. Когда водворившаяся безопасность дала имъ возможность разселяться, для удобства хозяйственныхъ занятій, «хуторами», иногда въ довольно большомъ отдаленіи отъ станицъ,—всѣ казаки, гдѣ бы они ни жили, предъ каждымъ воскреснымъ и праздничнымъ днемъ, стекались въ станицы, по большой части, верхами, такъ что верховая ѣзда и въ домашнемъ быту была неизбѣжною потребностію казака, и

каждый пріучался къ ней съ самаго младенчества.

Въ воинственномъ народѣ, во всякихъ собраніяхъ, дѣла военныя составляютъ первѣйшую пищу разговоровъ. Такъ бывало и на Дону, всегда, на всякихъ съѣздахъ и сходкахъ казаковъ, а въ особенности на станичныхъ сборахъ, гдѣ, по окончаніи сужденій о дѣлахъ общественныхъ, заслуженные воины естественнымъ образомъ обращались къ разсказамъ о подвигахъ своихъ и людей, имъ болѣе извѣстныхъ; пылкая же молодежь съ жадностію ловила слова ихъ. Наслушавшись разныхъ повѣстей изъ военной жизни, молодые люди садились на лошадей и выѣзжали за станицу, гдѣ старались представить въ дѣйствіи разсказанное имъ, и раздѣлясь на двѣ стороны, дѣлали примѣръ сраженія. Очень нерѣдко присоединялись къ нимъ и служащіе казаки, которые дѣлали имъ съ своей стороны наставленія. Эти домашніе маневры часто соединялись со стрѣльбою въ цѣль, съ лошади и пѣшкомъ, и съ другими воинственными упражненіями; они бывали, не только въ воскресные дни, послѣ станичныхъ сборовъ, но повторялись

всегда, какъ только казаки съѣзжались вмѣстѣ, особенно верхами: при раздѣлахъ травныхъ паевъ, при переѣздахъ изъ хутора въ станицы и обратно, на свѣтло-праздничныхъ, Троицкихъ, святочныхъ и масляничныхъ играхъ, такъ, что война была преобладающею, всеобщею мыслію среди домашнихъ занятій и увеселеній. Въ свою очередь молодые люди служили примѣромъ малолѣтнымъ дѣтямъ. Война была необходимымъ условіемъ ихъ младенческихъ игръ, при чемъ и ихъ толпы подчинялись правиламъ, въ подражаніе военной организаціи, и имѣли своихъ начальниковъ. Нерѣдко также эти маленькіе воины садились на лошадей, отчего на Дону, и прежде, и теперь, не рѣдкость видѣть пятилѣтнихъ мальчиковъ, которые скачутъ верхомъ въ запуски, и держатся на лошади крѣпко и ловко. Такимъ образомъ понятія о войнѣ вливались въ мысли и чувствованія казака, можно сказать, вмѣстѣ съ молокомъ материнскимъ.

Притомъ станичные сборы не менѣе дѣйствовали на поддержаніе нравственности и хорошаго поведенія казаковъ. Казаки съ давнихъ временъ высоко цѣнили честь—участво-

вать въ общественныхъ собраніяхъ, судить и рядить дѣла станицы вмѣстѣ съ соглаждами, и каждый хорошій казакъ, въ продолженіи своей службы и жизни, имѣлъ главную цѣль, какъ бы награду боевыхъ подвиговъ и трудовъ домашнихъ—то, что сѣдина дастъ ему право почетнаго голоса на станичномъ сборѣ. Нерѣдко молодой казакъ искалъ опасностей военныхъ и заслугъ именно для того только, что урядничье званіе и Георгіевскій крестъ допускали его прежде времени къ занятію мѣста на сборѣ, возлѣ почетнѣйшихъ старѣйшинъ; всегда преодолѣвалъ онъ нужды и лишенія, и все сносилъ терпѣливо на службѣ и дома, лишь бы только не подвергнуться нарѣканію, которое удаляло его отъ этой чести, не говоря уже о развратномъ поведеніи и преступленіяхъ, которыя навсегда лишали его на то права.

Дальнѣйшее развитіе казачьихъ способностей, при походѣ съ Дона полковъ. —Порожденный въ станичныхъ обществахъ духъ стремленія къ военному усовершенствованію, переходилъ съ казаками въ полки, когда они отправлялись на службу. Здѣсь нужно

сказать нѣсколько словъ о старинномъ, оригинальномъ образѣ слѣдованія Донскихъ полковъ на службу, какъ о средствѣ, содѣйствовавшемъ также къ развитію казачьяго смысла.

Въ прежнія времена, при отправленіи полковъ съ Дона, они не снабжались маршрутами; но полковой командиръ получалъ только предписаніе — въ какое мѣсто ему слѣдовать и какихъ городовъ придерживаться въ дорогѣ.

Выступивъ съ Дона, полкъ, для лучшаго обезпеченія продовольствія лошадей подножнымъ кормомъ, растягивался обыкновенно шириною своею на довольно большое пространство, вправо и влѣво отъ большой дороги; сотни шли отдѣльно одна отъ другой и сами подраздѣлялись на нѣсколько мелкихъ командъ, преимущественно составленныхъ изъ *станичниковъ*, т. е. жителей однихъ станицъ. Сотенные командиры, получивъ отъ полковаго приказаніе о направленіи, сообщали о томъ командамъ, которыя уже сами для себя избирали и дорогу, и ночлеги, руководствуясь, относительно мѣстности, собственною географіею, передаваемою отъ поколѣнія поколѣнію.

Здѣсь начиналось практическое образованіе молодыхъ казаковъ; здѣсь объяснялось имъ: и путешествіе по звѣздамъ, и направленіе по вѣтру, и всѣ наблюденія природы, которыя для казаковъ часто служатъ компасомъ. Они шли всегда самою прямою чертою: безколесные ихъ караваны не нуждались въ дорогахъ. Казаковъ не задерживали ни горы, ни рѣки: они пріучались съ ловкостью подыматься и спускаться по самымъ опаснымъ крутизнамъ и переплывать широкія воды. Курганъ, пригорокъ, лѣсъ, рѣка, село, словомъ—всякій встрѣчавшійся имъ предметъ служилъ поводомъ къ ихъ тактическимъ соображеніямъ. Молодые казаки летали безпрестанно во всѣ стороны, для пріученія себя къ открытіямъ и развѣдываніямъ, причемъ частыя сношенія, которыя командамъ нужно было имѣть съ полковымъ и сотеннымъ штабами и между собою, чтобы на маршѣ соблюдать должный порядокъ и держаться надлежащаго направленія, также доставляли имъ много случаевъ для опыта. Свободное слѣдованіе казаковъ въ дорогѣ, подавало имъ большое удобство—пріучаться къ стрѣльбѣ съ коня и другимъ

ловкимъ упражненіямъ, также пріѣзживать молодыхъ лошадей и доводить ихъ до проворства и поворотливости, столь необходимыхъ казачьей службѣ. Такимъ образомъ полкъ приходилъ къ мѣсту своего служенія въ исправности; люди были всегда уже ознакомлены съ своими обязанностями, а лошади хорошо выѣзжены (*).

(*) Въ настоящее время можно бы предоставить Донскимъ полкамъ нѣкоторую свободу во время слѣдованія ихъ на маршѣ, какъ средство, способствующее къ развитію расторопности въ людяхъ и самое удобное для пріѣздки лошадей, которыя нерѣдко, при отправленіи съ Дона, бываютъ еще молодыми. Хотя полки еще съ начала текущаго столѣтія стали наблюдать слѣдованіе по маршрутамъ, однако, до введенія въ 1838 году въ Донскія войска устава, они, сколько намъ извѣстно, на маршахъ ходили всегда свободно; но послѣ, мало по малу, началъ вводиться порядокъ слѣдованія въ походныхъ колоннахъ по шести и по три, хотя на этотъ предметъ не существуетъ еще никакого особеннаго постановленія. На походѣ, по дорогѣ между селеніями, можно бы, кажется, дозволить казакамъ по прежнему разъѣзжаться и съѣзжаться мелкими командами; въ степныхъ же мѣстахъ, или гдѣ засѣянныя поля не воспрепятствуютъ, разъѣзжать, на небольшомъ пространствѣ, и по сторонамъ дороги, при чемъ подчинить ихъ правиламъ, чтобы люди, при проѣздѣ какого-либо начальственнаго лица, или при приближеніи къ селеніямъ, по командѣ, или по

Усовершенствованіе казаковъ на дѣйствительной службѣ.—На дѣйствительной службѣ станичники составляли военное братство, помогали одинъ другому въ нуждахъ, дѣлились радостью и горемъ, послѣднею копѣйкою и послѣднимъ сухаремъ, умирали другъ за друга. Старые казаки вездѣ были природными наставниками своихъ молодыхъ станичниковъ, объясняли имъ правила казачьей службы на самомъ дѣлѣ, передавали имъ свою опытность на аванпостахъ, руководили ихъ въ трудныхъ партіяхъ. Такимъ образомъ, даже никогда не бывшіе на военной службѣ казаки пріучались къ ней очень скоро. Вступая на боевое поприще, они видѣли въ немъ что-то знакомое, чтó имъ, хотя и не въ ясныхъ чертахъ, представляло воображеніе; встрѣчали движенія войскъ, лагери, позиціи, которые неоднократно чертили имъ палкою по песку, или мѣломъ на столѣ, бородатые профессоры военнаго искусства; видѣли, какъ примѣнялись къ

данному знаку, мигомъ устроивались въ походную колонну. Отличная нравственность Донскихъ казаковъ и примѣръ прежде бывшаго ихъ порядка слѣдованія служатъ ручательствомъ, что они этого права никогда во зло употребить не могутъ.

дѣйствительности—ихъ домашніе маневры и эволюціи, какъ осуществлялись изъясненія и толкованія, на которыя всегда были щедры и словоохотны ихъ старшіе и опытнѣйшіе товарищи.

Не менѣе того старшіе станичники всегда смотрѣли за нравственностію и поведеніемъ молодыхъ своихъ товарищей, которые уважали ихъ, какъ отцовъ своихъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, въ полкахъ былъ издревле принятъ обычай не раздѣлять станичниковъ по разнымъ сотнямъ, даже въ сотняхъ ставить ихъ вмѣстѣ, не заботясь строго о ранжирѣ; обычай, который, по очевидной его пользѣ, было бы, кажется, полезно сохранить въ полкахъ и на будущее время.

Стремясь душою къ мѣсту своего рожденія, казакъ, каждый — семьянинъ, сынъ, мужъ, отецъ, съ воспоминаніями о своей станицѣ соединялъ все, что̀ для сердца его дорого, уважалъ, обожалъ ее, боясь дурною службою и худымъ поведеніемъ запятнать ея родное имя, которое, какъ святая хоругвь было всегда предъ мысленными его глазами. Отъ этого нерѣдко бывало, что какую-либо случайную оплошность казака въ дѣлѣ,

станичники его считали обязанностью омывать своею кровію.

Соревнованіе станичниковъ естественнымъ образомъ порождало соперничество одной станицы съ другою, отъ чего нѣкоторыя изъ нихъ начали отличаться болѣе и болѣе, и наконецъ получили рѣшительный перевѣсъ. Казаки ихъ стали славиться особенною своею храбростію, подавая другимъ благородный примѣръ для подражанія. Стòитъ упомянуть о станицахъ: Раздорской, Кочетовской, Пяти-избянской и Букановской, въ которыхъ много изъ простыхъ казаковъ дослужились не только до Полковниковъ, но нѣкоторые были знаменитыми Генералами. Глядя на заслуги этихъ отличныхъ станицъ, казаки прочихъ рвались изъ всѣхъ силъ своихъ, и если нѣкоторые изъ нихъ удостоивались того, что начальство въ отзывахъ своихъ сравнивало ихъ съ Раздорцами и Пяти-избянцами, то это составляло ихъ счастіе и производило на Дону, въ родныхъ ихъ станицахъ, особенное торжество.

Но соперничество станицъ исчезало предъ чувствованіями привязанности, которыя оду-

шевляли всѣхъ казаковъ къ общей ихъ родинѣ — къ Войску Донскому. Этотъ тихой Донъ былъ для нихъ какимъ-то священнымъ понятіемъ; при имени его у нихъ бились сердца и горѣли души. Онъ былъ представителемъ ихъ усердной службы отечеству, выраженіемъ безпредѣльной преданности къ Государю.

Казаки издавна страстно любили свою сторону, любили свой казачій бытъ, воинственную жизнь свою. Эта жизнь, полная радостей и скорби, переходившая отъ домашняго благополучія къ нуждамъ и лишеніямъ всякаго рода, отъ горестныхъ разлукъ къ сладкимъ свиданіямъ,—такая тревожная, такая привольная, столь разнообразная жизнь имѣла свою поэтическую сторону.

Возвращаясь изъ далекой службы на Донъ, казаки разсказывали о своихъ походахъ, о битвахъ, о трудахъ и опасностяхъ. Сочувствіе родныхъ и друзей было одною изъ лучшихъ наградъ за ихъ подвиги. Съ особеннымъ удовольствіемъ говорили они о вниманіи высшаго начальства, котораго они удостоивались, и о милостяхъ Монаршихъ,

проливаемыхъ на единоземцевъ ихъ. Глядя на заслуги своего собрата по происхожденію, и награды имъ получаемыя, каждый казакъ веселился сердцемъ, считалъ и себя вмѣстѣ съ нимъ награжденнымъ. При взорѣ на земляковъ своихъ, которые отличною службою достигали до степеней значительныхъ, начальствовали полками, повелѣвали Войскомъ, пріобрѣтали уваженіе и славу въ отечествѣ, снискивали довѣренность и расположеніе Великаго Государя, всѣ казаки возвышались духомъ: они понимали, что и имъ открыта дорога къ чинамъ и значенію, что щедроты Монарха всегда готовы наградить и ихъ за вѣрную и усердную службу. Имена знаменитыхъ героевъ родины съ любовію передавались изъ устъ въ уста; съ восторгомъ повторялись разсказы объ ихъ славныхъ подвигахъ, и безхитростная поэзія сыновъ Дона сплетала пѣсни, которыя передавали потомкамъ удивленіе къ ихъ знаменитымъ соотчичамъ.

Нѣкоторыя измѣненія быта и *службы казаковъ и проистекшія отъ этого потребности.*—Мы видѣли, ка́къ прежде, на службѣ, въ полѣ и въ домашнемъ быту,

способности и свойства казаковъ развивались сами по себѣ, естественнымъ образомъ. Но наступило наконецъ время, когда стремленіе къ совершенству во всѣхъ частяхъ Русскихъ войскъ, потребовало, сообразно тому, улучшенія и въ полкахъ казачьихъ. Сдѣлалось нужнымъ — подчинить ихъ бо̀льшей дисциплинѣ; признано полезнымъ — ознакомить ихъ, хотя нѣсколько, съ эволюціями регулярной службы, чтобы они могли, въ случаѣ надобности, быть употребляемы въ дѣйствіяхъ, болѣе правильныхъ. Слѣдовательно — стало необходимымъ, чтобы полки Донскіе, и въ наружномъ видѣ представляли болѣе стройности, красоты и единообразія, а потому потребовалось обратить особенное вниманіе на улучшеніе ихъ лошадей, обмундировки и вооруженія. Идеи человѣколюбія и чувства возвышеннаго благородства, которыя среди самыхъ кровавыхъ войнъ распространялись въ Русскихъ арміяхъ на ряду съ военнымъ искусствомъ, дѣлали съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе несовмѣстными понятія о тѣхъ военныхъ добычахъ, которыми предки наши жили на службѣ, и отчасти въ домашнемъ быту под-

держивали свое хозяйство. Отъ этого произошла необходимость казаку, для исправнаго состоянія на службѣ, снабжаться всѣмъ нужнымъ изъ дому, а потому онъ сталъ обязанъ обратить дѣятельнѣйшее вниманіе на занятія хозяйственныя. Но по естественному порядку вещей, казакъ, предавшись благотворнымъ трудамъ сельскимъ и приложивъ къ нимъ усердное свое стараніе, не имѣлъ уже возможности съ такою ревностію самъ собою слѣдить за постепеннымъ усовершенствованіемъ воинныхъ своихъ качествъ; а потому средства прежняго, натуральнаго его развитія, сдѣлались недостаточными; открылась необходимость—содѣйствовать ему въ томъ, хотя нѣкоторымъ, искусственнымъ образованіемъ его, дома и на службѣ. Въ образѣ же слѣдованія казаковъ въ походахъ, по причинѣ умноженія въ нашемъ отечествѣ народонаселенія, давно уже, какъ выше упомянуто, сдѣлались большія измѣненія, препятствовавшія также естественному развитію казаковъ.

Къ объясненнымъ обстоятельствамъ присовокупилось повсемѣстное распространеніе гражданственности въ Донскомъ Войскѣ.

Войско это по географическому положенію давно уже перестало быть пограничнымъ, военнымъ стражемъ отечества, и окруженное со всѣхъ сторонъ губерніями, долженствовало быть въ безпрерывныхъ съ ними сношеніяхъ по дѣламъ службы и общежитія. Все это заставило правительство обратить на Донской край вниманіе и начертать особыя правила—для руководства его въ военномъ, административномъ и юридическомъ отношеніяхъ.

Но прежде, нежели осмѣлимся обратить взоры на Высочайше дарованное Войску Донскому Положеніе, считаемъ необходимымъ коснуться нѣкоторыхъ мнѣній, которыя мы неоднократно слышали и которыя раздѣляли даже многія особы, весьма достойныя уваженія, касательно дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія казачьей службы.

Разборъ мнѣній о средствахъ къ улучшенію казачьей службы.—Многіе увѣряли, что казачество, какъ порожденіе дикаго быта народа и жизни его среди военныхъ тревогъ и опасностей, должно исчезнуть при водвореніи на Дону образованности и

благосостоянія; что казакъ тогда только былъ удалымъ воиномъ, когда всѣ мысли, понятія и чувствованія его направлены были къ одному его ремеслу; когда казачья его натура могла развертываться свободно, не отвлекаемая книжнымъ ученіемъ, не разслабляемая сидячею жизнью или домашними занятіями; и когда науки не заглушали въ немъ естественныхъ способностей казака, его врожденнаго чутья и инстинкта. Утверждали также, что главнѣйшею причиною храбрости казака, была—приманка добычи, и что тогда только былъ онъ отваженъ, когда вооружался, одѣвался и наживался въ рядахъ непріятеля и въ землѣ его; теперь же, когда вниманіе его обратилось на труды хозяйственные, а руки заняты обдѣлываніемъ земли, онъ душою и сердцемъ привязался къ этимъ занятіямъ, а дѣло военное ему и на мысли не приходитъ.

Но не теперь только, а давно, съ первыхъ годовъ царствованія Великаго Петра, Донская Земля совершенно успокоилась, и тревожный воинственный бытъ народа превратился въ земледѣльческій — хозяйственный. Давно также учреждена на Дону адми-

нистрація, и правительство еще въ прошломъ столѣтіи начало прилагать попеченіе объ открытіи тамъ учебныхъ заведеній. Однако это полуторавѣковое направленіе къ гражданственности нисколько не уничтожило духа казаковъ, который, напротивъ, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не проявлялся съ такою силою, какъ въ незабвенную отечественную войну.

Во всѣхъ родахъ военной службы производятся безпрестанныя улучшенія и совершенствованія, доставляемыя науками: полезные плоды этого для всякаго очевидны. Какимъ же образомъ просвѣщеніе можетъ быть вредно для однихъ только казаковъ, тогда-какъ главнѣйшее достоинство ихъ состоитъ въ смышлености, толковитости, смѣтливости? Не ясно-ли, напротивъ, что развитіе этихъ умственныхъ способностей, при повсемѣстномъ распространеніи на Дону образованности, должно имѣть вліяніе благотворное и на самую казачью службу?

Казакъ на войнѣ прежде всѣхъ знакомится съ мѣстностію, встрѣчается съ непріятелемъ и входитъ въ сношеніе съ жителями театра военныхъ дѣйствій. Онъ первый видитъ

позиціи, осматриваетъ горы, рѣки, лѣса и овраги, находитъ броды, мосты и переправы, проходитъ ущелья и дефилеи; онъ первый видитъ расположеніе и движеніе войскъ непріятельскихъ, обязанъ иногда изслѣдовать ихъ числительность и предугадывать намѣреніе; его обращеніе съ жителями можетъ прежде всего сообщить имъ наши намѣренія и цѣли, или поселить въ нихъ превратныя о томъ мнѣнія, привязать ихъ къ намъ, или вовсе удалить отъ насъ, словомъ — сдѣлать изъ нихъ помощниковъ нашимъ военнымъ дѣйствіямъ, или ожесточенныхъ враговъ. Очевидно, что все это можетъ гораздо лучше сообразить, взвѣсить и привести въ исполненіе—умъ, образованный наукою.

Конечно, все это болѣе относится до офицеровъ. Въ военныхъ наукахъ вообще принято непреложнымъ правиломъ, что въ легкихъ войскахъ офицеры должны быть самаго отличнаго образованія, и что въ военное время отъ нихъ требуются, нерѣдко, такія же понятія и соображенія, какъ отъ офицеровъ Генеральнаго Штаба; но какъ служба казачьихъ офицеровъ, въ срав-

нені съ прочими легкими войсками, еще разнообразнѣе, то она сдѣлается тѣмъ полезнѣе, чѣмъ воспитаніе офицера будетъ тщательнѣе и многостороннѣе.

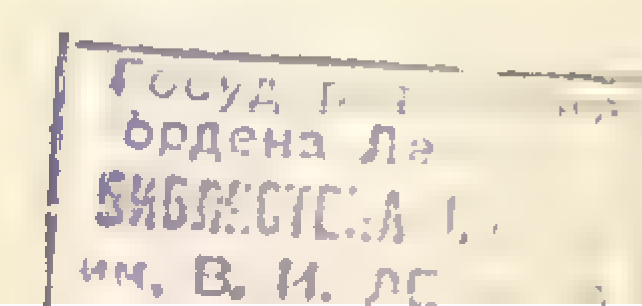
Даже не для однихъ только офицеровъ, но и вообще для всѣхъ казаковъ полезно нѣкоторое образованіе, и если не обширное, то по-крайней-мѣрѣ знаніе грамоты и письма. И въ прежнее время казаки, болѣе другихъ смышленые, если не имѣли возможности учиться въ малолѣтствѣ, то старались всѣми средствами обучаться, чему было возможно, на службѣ.

Но если и дѣйствительно правда, что наклонность воинственнаго народа къ гражданственности препятствуетъ въ немъ естественному развитію военныхъ качествъ, то чѣмъ же можно замѣнить это развитіе, какъ не наукой? Наука можетъ изложить всѣ, до-сихъ-поръ мало объясненныя, правила казачьей службы, изслѣдовать даже тѣ ея элементы, которые казались до сихъ поръ неуловимыми, и привести ихъ въ надлежащій порядокъ—для спеціальнаго преподаванія юношеству.

Не менѣе того неосновательно мнѣніе,

что главнѣйшимъ источникомъ храбрости казаковъ—была приманка добычи, которую они въ прежнее время находили на службѣ, и что вмѣстѣ съ необходимостію обратиться къ хозяйственнымъ занятіямъ, должны исчезнуть и воинскія ихъ доблести. Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы вступаться за предковъ Донцовъ и утверждать, будто бы они были вовсе непричастны этимъ военнымъ пріобрѣтеніямъ: въ прежнее время добыча, нетолько отнятая съ бою у непріятеля, но и всякая, дозволялась высшимъ начальствомъ, не запрещалась общественнымъ мнѣніемъ и голосомъ собственной совѣсти. Тогда казаки выходили на службу безъ мундировъ, одѣтые въ чемъ случилось, и безъ всякаго зазрѣнія говорили, что они идутъ: *добывать себѣ зипуны* (*); а потому каждый казакъ, убивъ непріятеля, считалъ законнымъ правомъ—снять съ него нетолько оружіе, но и одежду, не церемонился надѣть ее на себя, и полагалъ въ этомъ особенное щегольство. Но не всѣмъ-ли извѣстно изъ исторіи, что и въ древности, отнимаемая добыча была украшеніемъ

(*) Зипунъ, верхняя одежда простаго народа.

и тріумфомъ побѣдителя? Кто не знаетъ героя Трои, сына Царскаго, снимающаго своими руками доспѣхи съ тѣла Патрокла и надѣвающаго ихъ на себя предъ глазами двухъ армій? Читая это, мы нетолько неоскорблялись такимъ поступкомъ, но и восхищались описаніемъ его въ прекрасныхъ пѣсняхъ Гомера. Но другія времена, другіе нравы! Теперь казаки, нетолько по строгому запрещенію начальства, но и по собственному чувствованію, пренебрегаютъ уже этою легкою, но предосудительною поживою, и показываютъ, что имъ совсѣмъ не чужды благородныя и человѣколюбивыя идеи, возвышающія военное званіе. Они, довольствуясь, на службѣ, имъ по закону опредѣленнымъ, въ домашнемъ быту употребляютъ всѣ силы на устройство своего благосостоянія.

Впрочемъ, справедливо - ли мнѣніе, что домашніе труды и занятія непремѣнно должны ослаблять воинственныя доблести? Исторія показываетъ намъ Римлянъ, которые въ домашнемъ быту были примѣрные земледѣльцы—и побѣдили міръ! Обращаясь къ Донцамъ, можно замѣтить, что распро-

страняющееся благосостояніе еще сильнѣе привязываетъ ихъ къ родинѣ, заставляетъ еще выше цѣнить ея славу, обязываетъ службою своею поддерживать честь ея предъ взорами отечества, наконецъ — вливаетъ въ души благоговѣйную признательность къ виновнику процвѣтанія Дона, Великому Государю, и за животворное Его вниманіе обязываетъ весело и радостно жертвовать жизнію. Безъ-сомнѣнія, эти чувствованія сильнѣе и одушевительнѣе, чѣмъ жажда пріобрѣтенія; они и прежде поощряли нашихъ предковъ гораздо болѣе, нежели невоспрещаемая понятіями ихъ вѣка добыча.

Мы отступили нѣсколько отъ предмета, вынужденные потребностію высказать мысли, которыя тѣснили душу при сужденіяхъ, слышанныхъ нами неоднократно.

О Войсковомъ Положеніи.—Благословенный Александръ, доблестный очевидецъ и великодушный цѣнитель усердной службы казаковъ въ незабвенныя брани Его съ Наполеономъ, задумалъ благодатную мысль, въ лучшую награду любимаго Имъ Войска, упрочить для него средства къ процвѣтанію и благосостоянію, и въ тоже время дать

ему возможность болѣе и болѣе совершенствовать военныя свои достоинства, и навсегда сохранить счастіе—службою своею быть полезнымъ отечеству. Августѣйшій Его Преемникъ окончилъ начатое. Обожаемый Монархъ, среди царственныхъ заботъ, соизволилъ посвятить много драгоцѣнныхъ часовъ на разсмотрѣніе составленнаго для этого, проэкта, и въ 1835 году даровалъ Войску Донскому Положеніе. Такимъ образомъ служеніе Донскихъ казаковъ въ рядахъ Русскихъ армій, начавшееся со временъ Петра І-го, получило окончательное образованіе въ царствованіе Государя Императора Николая Павловича, Которому и здѣсь Провидѣніемъ суждено усовершенствовать всѣ благія начинанія Великаго Своего Предка.

Мы считаемъ непринадлежащимъ къ нашему предмету распространяться о благотворномъ вліяніи, которое Высочайшимъ Положеніемъ распространено на всѣ вообще части управленія Войска; но сознаемъ себя обязанными сказать нѣсколько словъ о новой жизни, которую пролило оно собственно на военную казачью службу.

Упроченіе Положеніемъ на Дону древняго быта казаковъ. — Главное превосходство Войсковаго Положенія состоитъ въ томъ, что оно основано на бытѣ Донскаго края, образѣ жизни казаковъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ, исторіи, мѣстности, народности Войска и на изученіи трудно-уловимыхъ элементовъ древняго казачьяго служенія; а чрезъ то, оно болѣе всего принесло существенной пользы.

Поэтому Войсковое Положеніе, вводя вездѣ порядокъ и благоустройство, не только не измѣнило формы внутренняго управленія станицъ, на которыхъ преимущественно основано было первоначальное развитіе казака, но прочно, навсегда узаконило и утвердило эти обычаи. Верховное Правительство сознало, что для поддержанія и утвержденія столь необходимыхъ для службы: смысла и духа казака, ему должна быть предоставлена въ домашнемъ быту нѣкоторая свобода. Оно взвѣсило врожденную въ душахъ и сердцахъ казаковъ привязанность къ Государямъ и покорность Ихъ Державной власти; оцѣнило религіозныя чувства и вѣрованія, ясный разсудокъ

и хорошія правила казаковъ; увидѣло, что свобода, имъ дарованная, не только не ведетъ къ безчинствамъ или своеволію, но налагаетъ на нихъ узы признательности и благоприличія. Изслѣдуя историческіе наши факты, Правительство усмотрѣло, что и въ древнее время, когда предки Донцовъ безотчетно хозяйничали на югѣ и юго-востокѣ Россіи, когда буйныя ихъ полчища лавами разливались по обширному этому пространству, они, хотя въ дѣйствіяхъ своихъ не строго стѣснялись военною полиціею, или дисциплиною, но, при первомъ словѣ Царя, покорно преклоняли буйныя свои головы. Правительство видѣло также, что и теперь, всякое предписаніе и приказаніе власти высшей, отъ единаго источника всѣхъ властей—Самодержавнаго Монарха исходящей, исполняется ими съ дѣтскимъ повиновеніемъ; какіе бы ни были толки и споры о дѣлахъ общественныхъ, весь сборъ, при возгласѣ станичнаго Атамана о слушаніи войсковой грамоты, (*) мигомъ

(*) Войсковою грамотою, на сборахъ, называютъ всякое предписаніе высшаго начальства.

погружается въ безмятежное молчаніе. Наконецъ, Правительство видѣло, что если бы уничтожить эти патріархальные обычаи на сборахъ, которые для непривычныхъ къ нимъ людей представляютъ, иногда, наружный видъ неурядицы, и лишить станичныя общества права—самимъ обсуживать внутреннія дѣла свои и избирать своихъ станичныхъ правителей, то эта мѣра имѣла бы вредныя послѣдствія на духъ казачій, потому, что казаки цѣнятъ Высочайше дарованную имъ свободу внутренняго управленія, какъ особенную милость Августѣйшаго Монарха, облагороживающую ихъ въ глазахъ собственныхъ и возвышающую предъ взорами отечества!

Вліяніе Положенія на распространеніе на Дону образованности. — Другую главнѣйшую заботу Войсковаго Положенія составляетъ распространеніе въ Войскѣ Донскомъ образованности. Отбросивъ запоздалую идею, будто бы просвѣщеніе убиваетъ казачьи способности, напротивъ, видя въ немъ одного изъ главнѣйшихъ двигателей, въ замѣну ослабѣвающихъ средствъ натуральнаго развитія казаковъ,—Положеніе утвер-

дило на Донской Землѣ основанія образованности и оказало много попеченій — къ бо̀льшему распространенію на Дону просвѣщенія.

Сверхъ того, почти ежегодно открываются для Донскаго юношества вакансіи въ разныхъ Корпусахъ и въ другихъ заведеніяхъ, какъ то: въ Коммерческомъ Училищѣ, въ Училищѣ Правовѣдѣнія, въ Горномъ Корпусѣ и проч. Въ Гимназію Новочеркасскую вводятся новые важные предметы, какъ то: Сельское хозяйство, Практическое счетоводство, Восточные языки. Къ увѣнчанію Высочайшихъ заботъ Своихъ, Всемилостивѣйшій Государь въ 1847 году явилъ особенный знакъ дражайшаго Своего вниманія къ дворянству Войска Донскаго, повелѣвъ учредить въ Новочеркасскѣ Институтъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, который Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна соизволила принять подъ высокое Свое покровительство.

Въ продолженіи 16-ти лѣтъ отъ введенія Высочайшаго Положенія, Войско Донское сдѣлало уже нѣкоторый шагъ на пути просвѣщенія. Военная администрація, присут-

ственныя мѣста, артиллерія, медицина, строительная часть, наполняются молодыми людьми, спеціально-приготовленными для своего рода службы. Всѣ сословія оказываютъ особенное стремленіе къ просвѣщенію. Дворянство, подавая во всемъ благородный примѣръ, употребляетъ всѣ средства для направленія дѣтей своихъ по путямъ, открытымъ благотворнымъ правительствомъ къ образованію; но самое пылкое стремленіе къ просвѣщенію показываетъ простой народъ. Дѣти многихъ рядовыхъ казаковъ, или самыхъ мелкихъ чиновниковъ, борясь съ бѣдностію и разными препятствіями, достигаютъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Тамъ, жертвуя на воспитаніе, иногда, послѣднимъ достояніемъ, возвращаются прекрасно-образованными людьми и проходятъ поприще службы съ особенною для него пользою.

Въ воинственномъ народѣ, гдѣ отличная служба открываетъ всякому дорогу къ возвышенію, гдѣ простой казакъ дослуживается до генерала, не полезнѣе-ли видѣть на высокомъ мѣстѣ человѣка образованнаго? Юношѣ съ отличными дарованіями—свой-

ственно предчувствовать свое призваніе; душа его способна отдѣлиться отъ тѣсноты простаго быта, его окружающаго; онъ, возносясь въ нравственный міръ, стремится приготовить себя для будущности, чтобы имѣть возможность—оправдать довѣріе начальства, если оно возведетъ его на видную степень.

Вліяніе Положенія на благосостояніе Донскаго края. — Третьею, главною заботою Войсковаго Положенія было разлитіе на Дону повсемѣстнаго благосостоянія. Какъ собственность казака должна быть главнѣйшимъ источникомъ снабженія его, для службы, обмундировкою, вооруженіемъ и лошадью, то обращено особенное вниманіе на доставленіе ему выгодъ въ домашнемъ быту его. Надѣленіе всѣхъ станицъ равнымъ и вполнѣ достаточнымъ количествомъ земли, дальновидное и соотвѣтственное потребностямъ жителей распредѣленіе поземельныхъ довольствій, такимъ образомъ, что зажиточные казаки всегда имѣютъ возможность распространять скотоводство, составляющее, какъ извѣстно, основу имущества Донскихъ жителей, а недостаточнымъ доставляется

близость и удобство для хлѣбопашества, распространенiе и улучшенiе коннозаводства, какъ важнѣйшей принадлежности казачьей службы, развитiе повсемѣстной торговли и промышленности, учрежденiемъ торговаго общества, открытiемъ многихъ новыхъ ярмарокъ и улучшенiемъ прежде бывшихъ, что̀ для казаковъ даетъ возможность съ выгодою на мѣстѣ сбывать свои произведенiя и прiобрѣтать необходимое для службы ихъ и жизни, устройство рыбныхъ промысловъ, поощренiе виноградныхъ садовъ и винодѣлiя, и многiе другiе предметы, на которые устремлено вниманiе Войсковаго Положенiя, ясно показываютъ, сколько приложено было попеченiй о средствахъ для разлитiя повсемѣстнаго благосостоянiя.

Заключенiе.—Здѣсь невозможно съ точностiю и подробностiю исчислить всѣ прочiя, дарованныя Войску Донскому постановленiя, которыя слишкомъ многочисленны и разнообразны. Конечно, не всѣ они въ такой же степени содѣйствуютъ къ усовершенствованiю казачьей службы, какъ выше объяс-

ненныя основныя статьи уложенія, но въ продолженіе шестнадцати лѣтъ казаки такъ освоились уже со всѣми этими постановленіями, что въ настоящее время скорая перемѣна ихъ была бы уже для народа тягостною. Тѣмъ болѣе было бы вредно для казачьей службы какое - либо измѣненіе въ тѣхъ началахъ, на которыхъ основана сущность ея.

Мы видѣли выше, что Войсковое Положеніе обратило попечительную заботливость на то, чтобы сохранить самородную особенность казачьей службы и обезпечить въ будущемъ дальнѣйшее развитіе смысла и духа казаковъ, всегдашнее удобство для нихъ снабженія всѣмъ потребнымъ для службы и наилучшее благоустройство полковъ Донскихъ. Для перваго признало оно необходимымъ -- соблюденіе въ неприкосновенности народныхъ обычаевъ и образа внутренняго управленія станичныхъ обществъ; для послѣднихъ—распространеніе на Дону просвѣщенія, усугубленіе частнаго и общественнаго благосостоянія, и водвореніе лучшаго порядка въ округахъ и полкахъ Донскихъ. Вотъ основанія, на которыхъ,

какъ на прочномъ фундаментѣ, можетъ незыблемо укрѣпляться зданіе казачества и приносить существенную пользу, доколѣ служба его, въ теперешнемъ своемъ родѣ, будетъ для отечества необходима.

Генералъ-Маіоръ *Красновъ.*

